

Концепция Луначарского: другой защиты против стандарта и люмпенизации страны — нет

Валентин КУМАРИН, доктор педагогических наук, профессор

Концепцию А.В. Луначарского можно изучать бесконечно — до такой степени она неисчерпаема, разумна и актуальна. Я, как мне кажется, обстоятельно разобрал положения, которые особенно резко, зримо и твёрдо стоят в бескомпромиссной оппозиции к многословному и рыхлому Закону РФ «Об образовании», к безжизненному государственному образовательному стандарту. А также показал, что все последующие «концепции», «доктрины», «проекты», «постановления партии и правительства», включая и принятый Госдумой в первом чтении закон «О государственном стандарте общего образования», находятся в противоречии с потребностями экономики России, с её культурой и политикой.

1. Откуда и как эта концепция «есть пошла»

На другой день после взятия власти, т.е. 26 октября 1917 г., Ленин сформировал первое Советское правительство. Наркомом просвещения назначен Анатолий Васильевич Луначарский, человек, которого Ленин называл «сверкающим талантом»: энциклопедическая образованность, свободное владение не только немецким, английским, французским, но латынью и древнегреческим, звезда первой величины в ораторском искусстве, блестящий публицист, демократ до мозга костей.

Как и всякий умный руководитель, Луначарский начал с концепции. С анализа и оценки наличных реалий, их соответствия принципам демократии и человечности, с всестороннего обоснования целей — ближайших, промежуточных и конечных, — с детального описания средств, которые гарантируют достижение этих целей без авралов и суматохи, без авантюрных инноваций, с опорой на лучший зарубежный опыт, каковым был опыт американской школы.

Несмотря на крайне сложные условия, работа над концепцией, которая включала в себя законодательную часть (закон и образование) и её методологическое обоснование, кипела, поскольку вся группа разработчиков — М.Н. Покровский, П.Н. Лепешинский, О.Ю. Шмидт и ещё несколько человек — была под стать своему руководителю. А если к этому добавить, что научно-педагогическим идеологом была Надежда Константиновна Крупская, то вряд ли стоит удивляться, что обе части концепции были закончены уже к лету 1918 г. Но перед сдачей заказчику (ВЦИК!) их предстояло апробировать.

В августе 1918 г. в Москве проходил Первый Всероссийский съезд по просвещению. 28 августа на этом съезде выступил Ленин. Его стратегическая ставка на решающую роль местного самоуправления и на этот раз была лейтмотивом речи: «Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем»¹.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 77.

И дальше: «Наше дело обеспечено тем, что массы сами взялись за строительство новой, социалистической России»².

² Там же.

На обсуждение съездом были вынесены и проект концепции, получившей название «Основные принципы единой трудовой школы», а также проект «Положения об единой тру-

довой школе РСФСР». Оба документа яростно обсуждались. По ним развернулась широкая дискуссия. Разработчикам пришлось обосновывать и защищать каждый пункт своего детища, который вызывал сомнение и подвергался критике. В результате оба документа были одобрены, но с указанием: довести их до полной кондиции, не обделив вниманием ни одного нарекания делегатов съезда.

Днём рождения первого Закона об образовании в послеоктябрьской России стало 30 августа 1918 г., когда ВЦИК утвердил его. Под Законом расписались Я. Свердлов, М. Покровский и А. Енукидзе. Методологическое обоснование Закона подписал А. Луначарский. Оно получило название «Основные принципы единой трудовой школы». 16 октября 1918 г. оба документа были опубликованы и вступили в силу.

Авторы Закона от 30 августа 1918 г. и «Основных принципов единой трудовой школы» знали, что такое *демократия* и как её можно воплотить в школьном деле.

Первое, что до крайности непривычно, это *объём*. В «Положении» (Закоме!) 32 статьи с примечаниями, а уместились они на *четырёх* страничках формата нынешней брошюры. Для сравнения: в Законе РФ «Об образовании» 58 статей, а количество страниц — 60, т.е. в 15 раз больше! Мелкая формальность? Пустяк? Ничего подобного! Явный признак того, что авторы «Положения» были демократами и спецами, а авторы Закона РФ «Об образовании» — бюрократами. Первые регламентируют *демократическую стратегию* и оставляют исполнителям широкое пространство для тактического манёвра, а вторые регламентируют *стратегию уравниловки и принудиловки* посредством государственного образовательного стандарта да к тому же ещё и огораживают её таким количеством красных флажков, чтобы исполнителям было ни охнуть, ни вздохнуть, ни шагу влево, ни шагу вправо...

1-я статья «Положения» провозглашает: «Всем школам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, состоящим в ведении Народного Комиссариата по просвещению, за исключением высших учебных заведений (им предоставляется полная автономия. — В.К.), присваивается наименование: «Единая трудовая школа»³. Установление исключительной важности и принципиальности: не образование вообще, которое якобы обладает ценностью само по себе («делает культурным», «расширяет кругозор», «выводит из темноты и невежества» и прочие «украшательства»), а прямое указание на решающий фактор индивидуального и общего благосостояния, силы и достоинства, экономической конкурентоспособности и независимости.

3 См.: Народное образование в СССР: Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 133.

8-я, 26-я, 27-я, 29-я, 30-я, 31-я и последняя, 32-я статьи коротко и ясно определяют, в чём именно состоит и проявляется школьная *демократия*, превосходящая демократию даже американской школы. На первом месте — *избираемость* всех школьных работников «в соответствии с постановлением о выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей от 27 февраля 1918 г. и инструкциями Народного Комиссариата по просвещению»⁴. Далее о составе «школьного совета», который является «ответственным органом школьного *самоуправления*. В него входят: все школьные работники, представители трудового населения школьного района (1/4 от количества школьных работников), учащихся старших возрастных групп, начиная с 12-летнего возраста (тоже 1/4 от количества школьных работников) и один представитель от отдела народного образования»⁵.

4 Там же. С. 134, 136.

5 Там же. С. 136.

Далее о том, что внутренняя жизнь *школьного коллектива* «в рамках постановлений центральных и местных органов Народного Комиссариата по просвещению регулируется общими и групповыми собраниями *школьного коллектива* (как и с каким результатом это делается, лучше других показал Макаренко, создавший на основе «Положения» и «Основных принципов» блестящую, целостную теорию *собственно воспитания*).

Полномочия школьного совета смотрятся сегодня как педагогическое чудо, как образец *демократии*. Неслыханной, невиданной и даже непредставимой. А ведь по новым школьным выкройкам Ленин намеревался строить и новую Россию.

2. Какое общество — такая школа?

Когда наши министры образования заявляют о том, что наша школа — лучшая в мире, они, конечно, и сами в это не верят. Если школа государственным образовательным стандартом превращает детей в калек, физических, нравственных и умственных, то как её можно выдавать за лучшую?

Минообраз в любой момент может с больной головы свалить на здоровую: какое общество — такая школа. Зарплата — курам на смех. Финансирование нищенское. Попробуй доказать, что это не причина, а следствие!

Попробую. Позвольте, во-первых, спросить: а что это за пугало такое — общество? Что-то такое, что существует само по себе и параллельно со школой (фабрикой, колхозом, трамвайным депо, магазином, сапожной мастерской, банком, империей Абрамовича или Потанина)? Конечно же, нет. Общество — это сумма слагаемых, которые я назвал и которые не называл. Плюс *каждый человек!* Я, ты, он, она.

Чтобы легче понять, что первично, а что вторично, где причина, а где следствие, чтобы убедиться в том, кто кого определяет на самом деле (общество — школу или совсем наоборот: школа — общество), лучше всего перечитать «Педагогическую поэму». Приведу краткую хронику.

Год 1920-й. Макаренко, его главный помощник и «соучредитель» Калина Иванович, две воспитательницы и первые шесть воспитанников — отпетых бандюг прибывают на место, которое именуется колонией для малолетних «злочинцев». Весь этот «коллектив» поселяется в разграбленном доме бывшего владельца усадьбы: аккуратно, по кирпичику разобранные кафельные печи, бережно вынутые оконные рамы и дверные проёмы, культурно снятые половые доски — всё развезено по хатам. А на дворе зима. Питаются «кондёром», в котором крупинка догоняет крупинку. О зарплате не мечтают. Антон Семёнович донашивает единственную пару сапог, из которых торчат соломенные затычки.

Год 1923-й. НЭП уже твёрдо стоит на ножках и пробует ходить. Украинский немец, агроном Шере (Николай Эдуардович Фере, с которым я познакомился в Москве в 1957 г.) заваливает колонию «житом» и овощами, говядиной и свиной, курятиной и куриными яйцами. В колонии 130 воспитанников обоего пола. Открывается школа-семилетка. В просторном сарае, приспособленном под театр, — каждый месяц новая постановка. Среди зрителей, вперемешку с колонистами, представители местного населения: принаряженные хлопцы и девчата, старики и старухи. Разумеется, с подарками — глечик сметаны, кошёлка яблок, домашние соленья и варения. Кто-то приносит даже литровку первача, который тут же выливается на землю. В массовом порядке валят и на спортивные праздники.

Колонисты обуты, одеты, ухожены, пышат здоровьем и сражают наповал неотёсанных селян французской галантностью.

Год 1925-й. Полная самокупаемость. Появляются первые рабфаковцы. Наробраз Украины присваивает колонии статус образцовой, а точнее — лучшей в республике.

Год 1926-й. Переезд в Куряж (пригород Харькова). Первое впечатление от куряжан: «Мы вошли в спальню. На изломанных грязных кроватях, на кучах бесформенного мусорного тряпья сидели беспризорные, настоящие беспризорные, во всём их великолепии, и старались согреться, кутаясь в такое же тряпье. У облезлой печки двое разбивали колуном доску, окрашенную, видно недавно, в жёлтый цвет. По углам и даже в проходах было нагажено. Здесь были такие же запахи, что и на дворе, минус ладан»⁶.

⁶ Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1957. С. 399.

Год 1928-й. Операция по «наведению педагогического порядка» среди трёхсот куряжан силами 120 горьковцев полностью закончена. 6 июля колонисты встречают Горького, который гостит у них 3 дня, а вскоре и рассказывает о своих впечатлениях в одном из очерков из цикла «По Союзу Советов»⁷.

⁷ См.: Горький М. О молодёжи и детях М., 1938. С. 48–57.

Год 1935-й. Коммуна имени Ф.Э. Дзержинского. Модель *демократии*, «не имеющая аналогов».

Два собственных завода (производство электросверлилок и фотоаппаратов). Фантастическое благосостояние. 5 миллионов от прибыли — в доход государства.

А теперь представьте: каждое «слагаемое» общества добивается таких же результатов. Каждая школа, каждая стройконтора, каждая парикмахерская. Каждый Абрамович и каждый Потанин. Что в совокупности? И что причина, а что следствие?

Другое дело, что общество сплошь и рядом отождествляют с государством. Но надо же когда-нибудь избавиться от этой путаницы, которая вдалбливается намеренно. Дабы народ признавал верховенство государства. В этом случае согласен: «какое государство, т.е. «верхние эшелоны власти» — Госдума, Совет Федерации, правительство, президент — такая школа» (завод, фабрика, приватизация, «рынок», «демократия», выживание). Но ведь «верхние эшелоны» — тоже «слагаемое» общества и все силы они должны бросить (в данный момент) на профессионально-технические училища, обустроив их богаче, чем МГУ и МГИМО, и завлекая в них лучших, начиная с 6-го класса.

Но виновата и школа. Как можно не спасать детей и самих себя? *Как в качестве главной школьной цели можно ставить «всестороннее развитие личности», если никто не знает, что такое личность, а тем более — сколько у неё сторон?*

Про здоровье, про способность к высокопроизводительному конкурентоспособному труду не раз говорилось на страницах журнала «НО». Но повторю... Откуда у нас возьмутся деньги на зарплаты и пенсии, на поддержание армии и милиции, если в Германии квалифицированных рабочих 56 процентов, а у нас всего 5 процентов? Разве школа тут ни причём? Разве она не имеет к этому прямого и непосредственного касательства? Как же при таком положении не переключиться на массированную профориентацию, на спортивно-азартную нацеленность, на труд в сфере материального производства, которую с таким блеском культивировал Макаренко? Вспомните его ежедневные диаграммы, отражавшие положение бригад в состязании. Колонисты и коммунары следили за этими диаграммами, как за чемпионатом мира по футболу. Ну до каких пор мы будем сочинять «поэмы» в честь *«воспитывающего обучения»*, т.е. во славу работы не руками, не головой, а ... языком⁸! Вряд ли стоит напоминать, что материальным воплощением «воспитывающего обучения», над которым Макаренко просто издевался⁹, является всё тот же государственный образовательный стандарт.

8 См.: Краевский В.В. Воспитывающее обучение // Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1. М., 1993. С. 171–172.

9 См.: Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1958. С. 349.

Эти и другие подобные факты свидетельствуют: с нынешними псевдоэкспериментами, явная цель которых — «модернизировать» школу в направлении ещё большей «работы языком», пора кончать. Раз и навсегда! Как с пошивом «нового платья короля».

В самом-то деле, зачем нам все эти 12-летки, ЕГЭ (с электронными замками и с конфискацией мобильных), КИМЫ, ГИФО (крепостное право для врачей и учителей!), вся эта «модернизация», если уже и так понятно, что все эти «прибамбасы» (между прочим, за наш счёт!) отвалятся на другой день после того, как человек за партией получит своё законнейшее право вызреть на тех предметах, на которых он действительно может *вызреть*, и ко времени получения аттестата будет являть собой не трухлявую замухрышку, а доброго молодца, способного одной левой уложить быка или девицу-красу, которая и «коня на скаку остановить», и «в горящую избу войдёт». Причём в комбинации с трезвой, зрелой (!) оценкой своей трудовой перспективы — кому сподручнее в МГИМО, а кому — на курсы парикмахеров, ибо ещё древние руководствовались правилом: нет плохой работы, а есть плохой работник.

3. Цель школы по Луначарскому

Скептики, разумеется, навострили уши: дескать, легко говорить, а как делать? Для ответа на этот вопрос возвращаю читателя к концепции Луначарского.

В этом выдающемся творении научно-педагогической мысли всё расписано, как по нотам. Десять лет оно успешно практиковалось в невероятно сложных условиях становления новой России и даже после того, как за *демократичность* её прикрыл Сталин, успела увенчать себя коммуной имени Ф.Э. Дзержинского!

Как и всякая научная концепция, документ Луначарского начинается с обозначения ключевой проблемы *общего* (а не узкоспециального) характера. Эту проблему Луначарский видит в том, что дореволюционная школа была *антинародной*, что она служила охранению и консервации исторически изжившего себя самодержавного государственного устройства. «В прежней школе, — говорится в концепции Луначарского, — низы её страдали крайней запущенностью или даже облачались *искусственно* приданными *вредными* чертами, ибо то были школы *«простонародья»*: по отношению к ним налицо были не просто равнодушие, но прямая недоброжелательность и, наконец, стремление по мере сил обратить их в орудие *отравления* сознания народного, орудие распространения *отвратительного верноподданничества»*¹⁰ (здесь и далее курсив мой. — В.К.).

10 Луначарский А.В. Основные принципы единой трудовой школы // Народное образование в СССР: Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 137.

Но если старая школа была *антинародной*, т.е. камнем висела на шее страны, которая дозрела до понимания того, что «дальше так жить невозможно», то в *первую очередь* именно школа должна стать *такой*, чтобы *соответствовать* пусть пока и подспудным, но естественным устремлениям народа. Почему именно школа? Да потому, что мы *все* выходим из неё, а это значит, что *именно* школа является *авангардным* слагаемым общества: какими выйдем из *школы*, таким будет и *общество*. Станет школа *народной*, т.е. в переводе на древнегреческий — *демократической*, *демократическим* станет и *общество*.

Станет, но может и не стать. Школа — дело тонкое, а точнее *самое тонкое*, потому что работать в ней приходится не с космическими аппаратами и не с Интернетом, а с *человеком*. Тут такая нужна аккуратность, такое мастерство, которое людям других профессий даже не снилось. Потому-то Луначарский мудро остерегает: «Но если реальная реформа школы по необходимости будет частичной (что не мешает ей, как доказывают уже вышедшие декреты, быть всё же *наиболее радикальной* из *всех*, имевших до сих пор место), то тем более необходимым считает Комиссариат установить ту *цель*, к которой он *стремится* (только стремится, т.е. ничего не форсирует, никого не догоняет и не перегоняет, а работает спокойно, в сильном режиме, без рапортов наверх. — В.К.) и, рядом с перечнем *отдельных* реформ, подлежащих осуществлению, *немедленно* нарисовать картину той школы, к которой мы будем идти и которую *единственно* мы можем признать нормальной в обновлённой России»¹¹.

11 Там же.

Излагая концепцию Луначарского, в которой каждое слово — на вес золота, я испортил бы всю «обедню», если прошёл бы мимо действительно одного-единственного слова. Раскрывая *цель* своей концепции (*демократизация* школы. — В.К.), Луначарский, как бы спохватившись, заменяет слово «реформы» словом *«перестройка»*: «Дело идёт при этом не только о том, чтобы сделать общедоступной школу, ибо такой, какой её сделал предшествующий режим, она для *трудовых масс* не годится; дело идёт о *коренной перестройке* её, в духе школы *подлинно народной»*¹².

12 Там же.

Важность и масштабность этого «уточнения» невозможно переоценить. Уж если гимназия была фактически недоступной для гимназистов (90 процентов отсева!), для детей интеллигенции, то как же она могла стать доступной для детей тех рабочих и крестьян, которых Ленин, однозначно признававший различия врождённых способностей, относил к разряду «бессознательных»? Разве мог Луначарский не понимать и не учитывать этот естественный и

совершенно очевидный факт? *Вечная, непреходящая заслуга Луначарского в том и состоит, что школа, которую он «придумал», одинаково привлекательна для всех детей: и для сильных умом, и для слабых. Ни один ребёнок не мог прослыть в этой школе дураком, ибо каждый получал возможность быть успешным.*

4. Средства определяются целью!

Чем именно концепция Луначарского гарантирует, казалось бы, столь невероятный, а по нынешним временам — прямо фантастический результат? *Логичным толкованием принципа единства.* И всё! И больше никаких секретов!

Что значит единая? Это значит, что все дети поступают в один и тот же тип школы. И все имеют *право* идти по школьной лестнице до самой последней ступеньки, за которой каждого поджидает аттестат зрелости. Выходит, как в гимназии, но только с очковтирательством? Да в том-то и дело, что совсем по-другому. В гимназии принцип единства овеществлялся в государственном образовательном стандарте (отсюда и громадный отсев, потому что до очковтирательства ещё не додумались), а в школе Луначарского на эту первопричину всех детских мук и трагедий, на фиктивность школьного образования нет и намёка: «Государству нужны *специалисты* (школа-то *трудовая*. — В.К.). Подростки сами имеют явно *различные* наклонности и дарования. Педагогика, как таковая, стоит за постепенное *сужение* круга знаний, за фиксирование внимания на *специально выбранных предметах*... Поэтому с известного возраста, лет с 14 (т.е. после 5-го класса, поскольку обучение начиналось с 8 лет. — В.К.), в школе допускается деление на *несколько* путей и группировок...»¹³. «Многие основные предметы «сохраняются, но в каждой «группировке» и на каждом «пути» они более ярко окрашиваются в тот или иной специфический цвет»¹⁴. На практике это означает, что у физиков, например, одна математика, у биологов — другая, а у самих математиков — самая «математическая». Но кому эти предметы не даются, может выбрать кулинарию.

13 Там же.

14 Там же.

Вообще в том, что касается *обучения*, то здесь Луначарский подчёркивает необходимость *индивидуализации*. Вы только послушайте: «*чрезвычайно* важным принципом обновлённой школы явится возможно более полная *индивидуализация* (а не «индивидуальный подход». — В.К.) обучения». И следом: «Под *индивидуализацией* надо разумеать анализ со стороны *преподавателей* склонности и особенностей характера каждого ученика и *возможно более полное приспособление к его личным потребностям* того, что даёт ему и что спрашивает от него школа»¹⁵.

15 Там же.

В этом месте хотел бы сделать небольшое отступление. Что имеет в виду Луначарский, когда пишет о том, что «отсталость» объясняется худшими условиями домашнего обихода, а вовсе не недостатком природных способностей? Да ничего особенного: всякая природная (т.е. врождённая) способность может заявить о себе, раскрыться, расцвести, вызреть, реализоваться, если для этого есть необходимые условия. В том числе и условия «домашнего обихода». Способности откроются, конечно, самые разные, но так и должно быть, потому что они *природные*, а других не бывает.

Природа может и «делает» *среду*, но чтобы *среда* могла сделать *природу* — так полагают только «научные» профаны.

Нам банально внушают: не было бы рояля — не было бы и Моцарта, т.е. социальное первично, а природное вторично, сперва зарплата (пресловутое «финансирование»), а потом работа, сначала государственный образовательный стандарт, а потом разговор о способностях. Не математические способности создали математику, а математика пробуждает матема-

тические способности.

Если бы педагоги занимались своим главным делом, т.е. *выявляли* врождённые способности детей и каждому ребёнку давали бы возможность заниматься в школе *только* такими предметами, к которым *врождённые* способности влекут его, как сверхмощный магнит, разве мы у кого-то просили бы займы? Разве находились по производству совокупного ВВП на 18-м месте в мире, уступая Бразилии, Аргентине, Мексике, Южной Корее, Индии, Китаю (про страны «большой семёрки» вообще не приходится говорить) и чувствуя затылком дыхание Бельгии, Ирана, Швеции? А каково находиться на 90-м месте (после Эстонии, Литвы, Латвии, Кубы, после Маршалловых островов и Намибии) по ВВП на душу населения? Представьте: в России одна «душа» производит ВВП на 1727 долларов в год, а в Люксембурге — на 44 797 долларов. В 25 раз больше¹⁶!

16 См.: *Тульский Михаил*. Нам Намибию б догнать // Независимое обозрение. 2002, № 19. А также: *Сабуров Евгений, Далин Валерий*. Вперёд, к победе Португализма! // Время, 2002, 11 июня. А также: *Камозова Татьяна и Зубанов Александр*. Так догоним ли мы Португалию? И когда? Или никогда? // Новое время, 2002, 23 июня. С. 12–19.

Мы заставляем детей, ломая их через колено, долбить государственный образовательный стандарт, ибо он, как нас уверяют, «формирует», «новообразует», «прививает» и «развивает», а проще говоря, «протезирует» некие *искусственные* способности, которые «заказывает» общество («социальный заказ»!).

Как бы вы обошлись с теми, кто вместо выявления и добычи природных запасов золота, нефти, алмазов и прочих несметных богатств земли российской предложил бы их «формировать», «новообразовывать»? А разве «природные недра» ребёнка беднее, чем у земли? Тогда в чём дело?

Известный педагогический журналист Антон Зверев назвал государственный образовательный стандарт — цитирую — «казённой административно-карательной *умодробилкой*»¹⁷. Кто осмелится возразить? Умри, но точнее не скажешь!

17 См.: *Зверев Антон*. Тот самый Матвеев // Учительская газета. 2002, 18 июня.

5. Какая школа — такое общество!

Школа, которую задумал Ленин и строить которую он поручил Луначарскому, даже на бумаге смотрится как огромная *самостоятельная* сила, как такое «*слагаемое*» общества, которое *изнутри*, *качеством* своей «продукции» определяет *качество* всех остальных «*слагаемых*», начиная с какой-нибудь прачечной и кончая *властью*, как законодательной, так и исполнительной. Школа по Ленину и в исполнении Луначарского — это действующий образец *демократического образа жизни*, который, если школа организована и работает в неукоснительном согласии со своим главным путеводителем, легко переходит в *привычку*, а сила её хорошо известна.

Справка от Ушинского: «Посмотрите на одну силу привычки: чего нельзя сделать из человека одной той силой? Посмотрите хотя бы на то, например, что делали ею спартанцы из своих молодых поколений, и сознайтесь, что современное воспитание пользуется едва малейшей частицей этой силы. Конечно, спартанское воспитание было бы теперь нелепостью, не имеющей цели; но разве не нелепость то изнеженное воспитание, которое сделало нас и делает наших детей *доступными* для *тысячи неестественных*, но тем не менее *мучительных страданий* и заставляет тратить благородную жизнь человека на приобретение мелких удобств жизни»¹⁸.

18 *Ушинский К.Д.* Избр. Пед. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1974. С. 247–248.

И дальше:

«Конечно, странен спартаец, живший и умиравший только для славы Спарты; но что вы скажете о жизни, которая вся была убита на приобретение роскошной мебели, покойных экипажей, бархатов,

кисей, тонких сукон, благовонных сигар, модных шляпок? Не ясно ли, что воспитание, стремящееся только к обогащению человека и вместе с тем *плодящее* его *нужды* и *прихоти*, берёт на себя труд Данаид?¹⁹»

19 Там же. С. 248.

Вместо «изнеженности» Ушинский предлагает *труд*. Обыкновенный *труд*, создающий материальные ценности²⁰.

20 См.: Там же. С. 124–144.

Справка от Макаренко: «Сколько бы вы ни создавали правильных представлений о том, что нужно делать, но если вы не воспитаете *привычки* преодолевать длительные трудности, я имею право сказать, что вы *ничего* не воспитали»²¹.

21 Макаренко А.С. Соч. В 7 т. Т. 5., М., 1958. С. 284.

А что читаем в концепции Луначарского? «Передовая педагогика требует обратить *особое* внимание на *воспитательные* функции школы, которые в последнее время приносились в *жертву* обучения, ... интеллект становился на передний план, *забывали* о выработке *характера*»²².

22 Луначарский А.В. Основные принципы единой трудовой школы // Народное образование в СССР: Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 142.

Привычка жить по нормам *демократии* срабатывает *автоматически*, утверждая *демократический* образ жизни на каждом квадратном метре человеческой деятельности: на каждом рабочем месте, в любой должности и при любой ситуации. Она же безжалостно крушит авторитаризм, бюрократию, демагогию, бесхозяйственность, национализм, ксенофобию. Ей и только ей по силам обуздать преступность, включая коррупцию и покушения на права человека.

Между прочим, «чертежи», по которым Макаренко строил колонию имени А.М. Горького и коммуны имени Ф.Э. Дзержинского, совпадают с чертежами Луначарского в *каждой* точке.

6. Воспитывать словами — это черпать воду решетом

Не отсюда ли и другое совпадение, которое выглядит, как очевидная калька: «Всё же насколько в *обучении* (!) высокое место должно быть признано за *индивидуализирующим методом*, настолько же в *воспитании* (!) самой прекрасной задачей является создание *школьного коллектива*, спаянного радостным и прочным товариществом»²³.

23 Там же.

Макаренко в лепёшку расшибался, чтобы донести эту диалектику до руководителей украинского Наркомпроса. Но даже он, предъявляя не только аргументы, но и факты (какие аргументы! Какие факты!), так и не сумел прошибить толоконные лбы.

Сегодня нигде в мире и следов не осталось от так называемого «*воспитывающего обучения*», которое 200 лет назад выдумал немецкий схоласт Иоганн Фридрих Герbart (1776–1841). Но у нас оно продолжает цвести. Посмотрите статью под этим названием в первом томе «Российской педагогической энциклопедии» (М., 1993. С. 171–172). Убедились? А теперь задайтесь вопросом: сколько ещё лет наша милиция будет тратить силы на *сизифов труд*, пытаясь противостоять «цветочкам» и «ягодкам» «*воспитывающего обучения*» — организованным преступникам, взяточникам, ворам, киллерам и т.п.? Все они начинали жизненный путь со школы. Но только *начинали*. Без особых проблем одолевали первые четыре класса, переходили в пятый, а дальше — как лбом в стену — встреча с государственным об-

разовательным стандартом.

Кто похитрее и послабее духом, приноравливаются. Если даже ничего не знаешь (таких процентов семьдесят!), «трояк» всё равно обеспечен. Только сиди и не рыпайся, делай вид, что напрягаешь извилины.

Что происходит с этими «хитрецами» и «притворщиками»? *Снаружи* — что-то вроде договорной игры. Все знают, что эти 70 процентов ребят программу никогда не осилит. Но в школу-то ходят — уже неплохо. А что *внутри*? *Гангрена сознания, паралич воли, атрофия трудовых инстинктов.* Это же готовый люмпен, бомж, нахлебник. Его бы из 5-го класса немедленно в ПТУ. Он и сам рвётся, чтобы стать *не разрушительной, а производительной силой.* Но у нас и в ПТУ вывернутая наизнанку «социальная справедливость». Профессия? Да какая-угодно, в глазах рябит, но... не иначе как *надстройка над стандартом.* *Некуда* подать-ся *человеку за партией,* если у него смертельная *аллергия* на «всестороннее развитие личности», а предел желаний — профессия автослесаря.

Я долго колебался: где уместнее привести нижеследующую справку от Макаренко? Там, где речь идёт о коренных отличиях между обучением и воспитанием, или в этой главке? С небольшим перевесом верх одержал последний вариант. Чтобы было понятнее, кого благодарить за то, что мы ускоренно, день ото дня, прирастаем *люмпеном,* который в своё время загнал-таки в могилу Римскую империю. Величайшую в истории человечества.

Справка от Макаренко: «Мы фактически ученика *не* воспитываем, мы ничего от него не требуем, кроме самых примитивных тормозов, необходимых для *нашего удобства.* Мы добиваемся (не всегда), чтобы он тихо сидел в классе, но мы не ставим перед собой никаких целей *положительного дисциплинирования.* У наших школьников иногда ещё бывает дисциплина порядка, но не бывает дисциплины *борьбы и преодоления.* Мы ожидаем, пока ученик совершит тот или иной проступок, и тогда начинаем его «воспитывать». Ученик, не совершающий проступков, нас не занимает, — куда он идёт, какой *характер* развивается в кажущемся его внешнем порядке, — мы не знаем и узнавать не умеем. Такие распространённые типы характеров, как «тихони», «иисусики», накопители, приспособленцы, шляпы, разини, приживалы, мизантропы, мечтатели, зубрилы, проходят мимо нашей педагогической заботы. Иногда мы замечаем их существование, но, во-первых, они нам не мешают, а во-вторых, мы всё равно не знаем, что с ними делать. *А на самом деле именно эти характеры вырастают в людей вредоносных, а вовсе не шалуны и дезорганизаторы*²⁴.

24 Макаренко А.С. Соч. В 7 т. Т. 5., М., 1958. С. 425.

Вас это волнует? Тогда почему не бьёте в *набат*? На кону *судьба рабочего класса!* Нашего *кормильца* и *заступника!*

Серьёзный, строго научный подход к проблеме *естественного* разброса врождённых способностей (о самодельных — «сформированных» и «новообразованных» — Луначарский, разумеется, и подумать не мог) был главной причиной, побудившей наркома просвещения назвать новую школу *трудова.* Ну, не могут, хоть застрелись, все люди *«развиться»* в академиков, писателей, музыкантов, дипломатов. А кроме того: ну чем, по большому счёту, профессия пахаря менее престижна, чем профессия генного инженера?

Полюбуйтесь фермером в культурной стране. Копия Линкольна, который до избрания президентом вкалывал дровосеком, сплавщиком леса, почтовым служащим. К школьному образованию относился, как знаменитый герой Марка Твена. К университетскому тоже. Но когда потянуло к знаниям, наверстал «весь багаж» и много больше. А «харизма»? Сухопарый, огромного роста, с лицом, над которым, что было сил, потрудились лучшие «имиджмейкеры» — все природные стихии. С ручищами, как у подъёмного крана, в неотразимом ковбойском «прикиде» — это ли не голубая мечта парнишки, которого Бог одарил *любовью высшего порядка: нежнейшими чувствами к земле-кормилице?* Голландия, Англия, Германия, Франция, Италия, Америка, Япония — всё их богатство, сила и достоинство есть в наименее прямом смысле слова дело рук человеческих.

Знаете, чем американцы, у которых гимн называется «Янки — простофили», гордятся больше всего? Не стану интриговать: больше всего они бравируют тем, что *платят налоги!*

Нам в эту логику врубиться трудно. Вот если бы воровали и пропивали — было бы понятно. А так дураки-дураками и уши холодные.

7. Привычка к труду — родом из песочницы

Труду, а стало быть *налоговой состоятельности*, в концепции Луначарского отводится место, как Царю на троне, всаднику на коне. Причём *труду* в его *высшем смысле*, а не в смысле какой-нибудь дешёвой подделки вроде «учебного труда». *Труду*, который выращивает хлеб, строит дома, одевает и обувает, кормит, поит, воплощает в материальные ценности научные идеи (почерпнутые, между прочим, тоже из *труда*) и, конечно, всё остальное, что придаёт ему *максимальную эффективность*, помогает стать *конкурентоспособным*. В известном смысле можно сказать, что концепция Луначарского — это гимн *труду и человеку труда*.

Первый и до 7–8 лет *главный вид труда* — подражание взрослым, особенно их труду: строить, «пекарить», выхаживать и воспитывать «детей», «воевать» и т.д. и т.п. Игру *изобрели* дети под влиянием *врождённых инстинктов*. И поскольку это так, они *лучше* всякого *взрослого* знают, *что, где и когда* им делать. И пять тысяч лет играли в кости и теперь играют, кто в «бабки», а кто в кегли. Хочешь поучаствовать? Да хоть каждый день! Ни один ребёнок не возразит, а, скорее всего, обалдеет от счастья. Но только не вздумайте нарушать правила, ибо они установлены *детской природой*, а потому *нерушимы*. Эти правила *тонко* намекают нам, взрослым, на весьма *толстые обстоятельства*: мы вас нежно любим, слушаемся, не знаем, чем благодарить, очень хотим, чтобы нами вы только гордились. Единственное, о чём молим, — это *признавать и уважать наш суверенитет*. Не вторгаться в *наш мир*, как слон в посудную лавку, т.е. со своим *взрослым уставом*.

В переводе на абсолютно понятный, доступный язык *научной, природосообразной педагогики* эта *мольба* означает: я ребёнок, слабый росточек, которому ещё предстоит стать могучим деревом, а ты уже взрослый и тебе ничего не стоит из самых *благих* намерений *сломать* меня обучением математике с трёх лет. Подумай: станет тебе легче, если ты меня погубишь?

Неужто Луначарский не понимал таких вещей? Как бы не так! В его концепции прямо говорится: «Ребёнок жаждет подвижности, его держали в неподвижном состоянии. Он с чрезвычайной лёгкостью усваивает знания, когда они *передаются* ему в весёлой и активной форме игры или труда, которые при умелой постановке *совпадают*, а его учили на слух и по книге. Дитя гордится приобретением всякого рода практического умения, а ему их не давали вовсе (курсив автора. — В.К.)²⁵».

²⁵ Там же. С. 139.

Далее узнаём, что «источником стремлений современной передовой школы к труду» служит также и необходимость ещё в школьные годы ознакомить детей «с тем, что *больше всего* им будет нужно в *жизни*»²⁶. Это ознакомление следует начинать с 14 лет, т.е. на 6-м году обучения.

²⁶ Там же.

Поскольку на первой ступени дети ещё маленькие, им следует предлагать различные формы *ремесленного труда* соответственно их *наклонностям* (вспомним «Свободную мастерскую» в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского), зато на второй ступени «на первый план выдвигается промышленный и земледельческий труд в его современных (сегодня это «современность», конечно, другая, но *принцип* остаётся *незыблемым!*) машинных формах²⁷. Овладение в этом возрасте той или иной *конкретной* профессией Луначарский трезво считает задачей *нереальной*²⁸. Другое дело — внятные представления о разных видах труда, почерпнутые при посещении того или иного производства, обслуживающего предприятия. Эти представления должны уже *«проклёвываться»*. Особенно большим простором для *профопределе-*

ния располагает сельское хозяйство. Тут всё на виду. Выбирай, что нравится *больше всего*, и вперёд: жми на предметы, которые *потребны для дела*, а не для «общего развития» (в действительности — для *оглупления и люмпенизации!*).

27 Там же. С. 139–140.

28 См.: Там же. С. 140.

8. «Самая лучшая» по воспроизводству люмпена?

Если квалифицированных рабочих всего 5 процентов, то можно ли такую страну считать культурной даже при наличии Майи Плисецкой и Александра Солженицына? Мне этот вопрос представляется риторическим. Может ли быть названа *культурной* страна, где укоренилась школа, которая из «лучших побуждений», из «чувства социальной справедливости» истребляет способности, щедро дарованные каждому ребёнку Господом Богом? Которая *годами* упражняет миллионы детей в *безделье*? Школа какой *культурной* страны, сознавая, что она делает, в *законном порядке* приучает детей заниматься *не своим делом* (в лучшем случае — ничем не заниматься)?

Как она это делает? Каждый учитель знает, как. Ребёнок заявляет: «Всё, крыша едет, а толку никакого. Не по мне ваша «царица наук». Дайте автодело, и я вас завалю «пятёрками», а после школы заткну за пояс любого американского автослесаря!» А что слышит в ответ? «Надо, Федя, надо. Математика учит логически мыслить. И Толстого с Достоевским надо читать. Это ты *теперь* не понимаешь, зато *в будущем* пригодится...»

Хорошо, если Федя плюнет и сбежит в подмастерья к какому-нибудь *умельцу*. Профи мирового класса снимает в год до 20 тысяч долларов и очередь к нему длиннее, чем в МГИМО. Обучает-то, как в старину: не скопом, а персонально для *тебя* старается. Сперва стань *мастером*, научись честно платить увесистые налоги (не тебе — так твоим детям и внукам достанется), а уж *после*, при хороших деньжатах, квартире, автомобиле — хоть в МГУ, хоть в Гарвард: и никакие ГИФО не нужны. Но уж, конечно, если так *прищичило*, *повлекло*, *потянуло*, что никакого удержу.

И в самом деле: почему бы перед тем, как узаконивать «стандарт», не навести справку в Госкомстате — кто и в каком количестве нужен экономике, чтобы она из замухрышки превратилась в великана? Госкомстату ответить на такой вопрос — раз плюнуть: включили свой компьютер и через 10 минут — пожалуйста!

С этого и начинается *хорошая работа* наробраза, РАО и школы. Все разом бросают ЕГЭ, «новообразования» и кидаются на поиск *врождённых способностей*. И всё! Петя получает математику, без которой жить не может, Федя приступает к автоделу, а Варвара погружается в латынь (специалистов по древним языкам — днём с огнём сегодня не сыскать). При такой-то *хорошей работе* закон о «стандарте» нужен, как рыбе зонтик...

9. Чем раньше, тем хуже

Сегодня это предмет острых дебатов. «Научные психологи» и «научные педагоги» до того заморочили голову, что никто уже не знает, чем ребёнку заниматься до школы и когда, собственно, в эту школу двигать. Для Луначарского этой проблемы не было. Он никогда не расставался с *компасом* научной, природосообразной педагогики и, следуя за его стрелкой, *безошибочно* и *быстро* находил *правильное* решение. Читаем концепцию и сразу натываемся на нужное место: «Бросим взгляд на то, как в школе, где доминирует *труд*, будет идти преподавание *в смысле усвоения* (а не «прохождения»)! — В.К.) *знаний*.

Границы между отдельными предметами преподавания сливаются, конечно, *совершенно* в элементарной школе, какой являются *последние* годы *детского сада*. Здесь почти все занятия сводятся к *одному* великому, ещё *не дифференцированному* предмету: *трудовому* зна-

комству с окружающей ребёнка *природой* и *общественной средой*.

Игра, прогулка, беседа дают материал для коллективной и индивидуальной мысли в деятельности детей. Начиная с *самого ребёнка* (!) и окружающей его обстановки, всё служит предметом вопросов и ответов, рассказов, сочинений, изображений, подражаний. Пытливость ребёнка и его *жажду движения без тени насилия* учитель систематизирует таким образом, чтобы получились наиболее богатые результаты. Вот это и есть основной предмет преподавания, как бы *детская энциклопедия*²⁹.

29 Там же. С. 139.

Всё логично, в полном согласии с аксиомами Коменского, Локка, Песталоцци, Дистервега, Ушинского (см. в «НО» рубрику «Педагогическая академия»).

А нам сегодня твердят, что обучение, несмотря на очевидную абсурдность этого *утверждения*, ведёт за собой развитие. Что дети, которые жили раньше (Саша Пушкин, Коля Гоголь, Ваня Тургенев, Лёвушка Толстой) не идут ни в какое сравнение с их нынешними сверстниками. Что прежние дети (Илюша Мечников, Дима Менделеев, Володя Вернадский, Ваня Павлов) были «ползучими эмпириками», а нынешние уже в материнской утробе мыслят теоретически-абстрактно. Что содержание каждого школьного предмета, особенно математики, если его пропитать «логическим рассолом», становится не только «источником знания», но и средством «развития» логического мышления. Что если каждому нынешнему ребёнку дать по роялю, то они превзойдут и Моцарта, и Бетховена, и Чайковского. А если к этому «эпохальному открытию» добавить «алгоритмизацию», «оптимизацию», «психологизацию», «компьютеризацию», «стандартизацию», ...и нескончаемую «инноватизацию» (12-летка, ЕГЭ, ГИФО, подготовка к школе, а фактически начало обучения с 3-летнего возраста³⁰ и т.д. и т.п.), то получится та-ка-я модернизация, что академику РАН мало не покажется.

30 См., например: *Смолякова О.К., Смолякова Н.В.* Математика для дошкольников. В помощь родителям при подготовке детей 3–6 лет к школе. М.: Издат-Школа, 1998. С. 225

Справка от Дистервега. «Пусть те, которые считают мышление в собственном смысле этого слова целью умственного образования, не беспокоятся, что в первые шесть лет школьного обучения последнее должно носить исключительно наглядный характер. Напротив, им следовало бы только радоваться применению этого основного принципа, если бы только оно имело повсеместный характер. Ведь мышление ребёнка первоначально заключается именно в восприятии отдельного, конкретного, в его усвоении и применении. Более позднее мышление понятиями развивается само собой из конкретного мышления. В каждом отдельном чувственном восприятии уже кроется понятие, под которое оно может быть подведено. Развивающийся позднее человеческий рассудок, овладев тем, что является общим в чувственных восприятиях, образует посредством отвлечения и обобщения соответствующие понятия. Мышление в собственном смысле слова возникает, таким образом, само собой, на основе чувственных восприятий.

Без этой единственной, истинной, прочной и верной основы так называемое отвлечённое мышление повисает в воздухе. Само по себе оно бессодержательно и пусто. Чувственное восприятие и приобретённое при его помощи знание обладают самостоятельным значением и ценностью. Этого нельзя сказать об отвлечённом мышлении, о мышлении при помощи понятий»³¹.

31 *Дистервег.* Избр. пед. соч. М., 1956. С. 274.

Справка от Ушинского: «Приступая к ученью ребёнка, надобно иметь в виду, что дитя, независимо от ученья (!), развивается с каждым днём, и развивается сравнительно так быстро, что месяц или два в жизни шестилетнего дитяти приносят («*независимо от ученья*». — В.К.) более перемен в его душевном и телесном организме, чем потом целый год в возрасте от 10 до 15 лет. Угадать настоящее время для начала ученья (начало учения *раньше*, чем с 6 лет, Ушинский считает *непоправимо* пагубным, потому речь идёт *исключительно* о возрасте *от и после* 6 лет. — В.К.) довольно трудно и, конечно, есть *дело практики*; но во всяком случае *лучше* начать ученье несколько *позднее*, чем несколько *раньше*, хотя как то, так и другое имеют свои дурные стороны»³².

32 *Ушинский К.Д.* Избр. пед. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 272–273.

«Но хуже всего то, что, встречаясь *преждевременно* с чрезмерными требованиями ученья вообще и какого-нибудь *отдельного* предмета в *особенности* (математики? — В.К.) и нападая на непреодолимые по возрасту трудности, дитя может потерять веру в свои собственные силы, и эта неуверенность в нём так укоренится, что надолго замедлит его успехи в ученье. Не одно *талантливое, нервное и впечатлительное* дитя сделалось *тупым и ленивым* именно *потому*, что в нём *преждевременными* попытками подорвана вера в свои силы, столь необходимая для человека *во всяком деле*»³³.

33 Там же. С. 273.

Справка от Марины Аромштам, учительницы начальных классов Центра образования № 109 (г. Москва). «Даже в нашей благополучной школе, даже в моём абсолютно благополучном классе, где обучение малышей (4–5 лет. — В.К.) *проходило* (!) в игровой форме, *нет* совершенно здоровых детей, кому-то «ставят» невроз (причём серьёзный — невроз навязчивых движений), кто-то до сих пор писается, у кого-то истерики, кто-то (в третьем классе!) палец сосёт... и это *не больные*, а *здоровые* дети — хорошие и даже *одарённые*! Что уж говорить об *обычной* школе!»³⁴

34 См.: Иванова-Гладильщикова Наталья. Об «экологии детства» можно забыть навсегда // Известия, 2000, 19 июня.

Справка от Г.Д. Дмитриева, автора книги «Джонни идёт в школу... Американская школа сегодня»: «В год, когда Джонни исполнится 6 лет (до начала учебного года), ... для него, а также для остальных 52,2 миллиона американских Джонников, Джонни и Джонов начинается путешествие в мир знаний. *Первая остановка* будет в *одногодичном подготовительном классе*, который находится в здании *элементарной школы*... Главным занятием для Джонни будут игры и практические занятия. Во многих подготовительных классах распространена система Марии Монтессори, итальянского педагога конца XIX — начала XX века. В соответствии с ней «подготовишки» будут много *работать* с блоками, кубиками и др. геометрическими фигурками и формами, *без* особого вмешательства *учителя*, ибо, по Монтессори, дети *сами* испытывают потребность в деятельности *без* побуждения и мотивировки со стороны взрослого. Для них это *не игра*, а работа.

В течение дня у Джонни будет также много видов *учебной активности*, включая *арифметику и чтение*. Но требовать, чтобы он что-то *запомнил* или *выучил четверостишие*, от него никто *не будет*. *Никто* не будет огорчён, удивлён или озабочен, если к марту месяцу подготовительного класса (некоторым уже исполнится к этому времени *7 лет*), он *не будет уметь* не только *писать своё имя*, но и *распознавать его*»³⁵.

35 Дмитриев Г.Д. Джонни идёт в школу... Американская школа сегодня. М., 2001. С. 14–17.

Момент истины наступил. После третьего чтения в Госдуме Закон о государственном стандарте образования вступит в силу. Поэтому выскажу правду-матку (всё равно шила в мешке не утаишь): это очередной *самообман* и *обман*. Авторы проекта Закона — кто по принуждению, кто по собственной воле — не науку творили, а перемальвали марксистскую мякину.

Но сколько верёвочке не виться, а конец оказался. Марина Аромштам — не единичный случай. Факты, которые она приводит и *честно* обобщает, давно не единичны. Они скопились в таком количестве, что вот-вот прорвут и сметут все ограждения, сооружённые вокруг «умодробительного стандарта», а заодно и вокруг «педагогических инноваций» последних лет — раннего обучения и т.д.

«К чему это (раннее обучение. — В.К.) приводит? К тому, что у нас *как грибы* растут центры медико-психологической помощи, куда родители, *дрессировавшие* своих малышей для поступления в престижные школы, приводят подростков с неврозами, ночными страхами, энурезами. Приводят мальчиков, «незапланированно» ругающихся матом, хотя с детства их учили двум языкам. И там их лечат... игрой. Возвращают то, что они недополучили в детстве... Это очень серьёзная проблема: если человек *не доиграл*, он будет заниматься этим в 40 лет»³⁶.

36 См.: Иванова-Гладильщикова Наталья. Об «экологии детства» можно забыть навсегда // Известия, 19 июня 2000 г.

Педагогический ас из Башкирии, учительница математики Ирина Дмитриевна Шамаева, недавно поделилась своими наблюдениями. «На вопрос корреспондента «Учительской газеты», растёт или сокращается количество коррекционных классов, тех самых, которые Луначарский предлагал открывать в каждой мало-мальски правильно работающей школе, ответила без обиняков и жеманства: «*во всех (!) школах сейчас 1–2 класса нормальные, остальные негласно коррекционные, а на самом деле таковыми и являются*»³⁷.

37 См.: Горюхин Юрий. «Удовлетворительно» нас не удовлетворяет // Учительская газета. 11 июня 2002 г.

Худшие условия «домашнего обихода»? Остаточное финансирование? Голодные обмороки? Наводнения и пожары? Кровопийцы Березовский и Абрамович? Ну уж, дудки! Гражданской войны всё же нет. Разруха хотя и наличествует, но совсем не такая, как в начале 20-х годов. Невиданного неурожая в Поволжье тоже не наблюдается. Зато есть государственный образовательный стандарт. Этого более чем достаточно...